

Книги Андрея Белянина,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Трилогия

«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Дилогия

«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»

«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»

«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»

«ВКУС ВАМПИРА»

«ОХОТА НА ГУСАРА»

«МОЦАРТ»

«СОТНИК И БАСУРМАНСКИЙ ЦАРЬ»

«НОЧЬ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

«МОЙ УЧИТЕЛЬ ЛИС»

«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»

«ДЕМОН С СОСЕДНЕЙ УЛИЦЫ»

Дилогия

«КАЗАК НА ТОМ СВЕТЕ»

«КАЗАК В РАЮ»

«КАЗАК В АДУ»

Трилогия

«ААРГХ»

«ААРГХ»

«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»

«ААРГХ НА ТРОНЕ»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)

«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»

«ГАСИ АМЕРИКУ!»

С Карен Махони (перевод и редакция)

«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

С Пламеном Митревым (перевод и редакция)

«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

В соавторстве с Игорем Касиловым

«ГАВРЮША И КРАСИВЫЕ»

Андрей Белянин и его друзья

«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»

«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»

«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»

«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»

«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

Сериал

«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»
«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»
«РЖАВЫЙ МЕЧ ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЧЁРНЫЙ МЕЧ ЦАРЯ КОЩЕЯ»
«ВЗЯТЬ ЖИВЫМ МЁРТВОГО»

Трилогия

«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»
«ВЕРНИТЕ ВОРА!»

Цикл

«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»
«ХВАТАЙ ИЛОВАЙСКОГО!»

Цикл

«ГРАНИЧАРЬ»
«ЗАМОК БЕЛОГО ВОЛКА»
«ДОЧЬ БЕЛОГО ВОЛКА»
«КЛАН БЕЛОГО ВОЛКА»
«ЧЕСТЬ БЕЛОГО ВОЛКА»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»

Стихи

«ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ АПОСТОЛ»

Стихи

«ЛАНА»

В соавторстве с Галиной Черной

«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»

«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»

«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»

«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»

«АРХИВЫ ОБОРОТНЕЙ»

«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»

«ВСЕ АРЕСТОВАНЫ!»

«ОТЕЛЬ «У ПРИЗРАКА»

«ШАШКА»

«КИНЖАЛ»

«ГРУЗИНСКОЕ ОРУЖИЕ»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

ЧЕСТЬ
БЕЛОГО ВОЛКА

РОМАН

Москва, 2018
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1113

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.

Б43 **Честь Белого Волка: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 284 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2674-4

Я плохой отец...
Какого северного мха?!

Моя дочь убегает из дома драться с инеистыми великанами и гонять драконов от замка Кость. Бывший бог со справкой из психушки докопался до Пушкина! Моя жена Хель, которая Смерть, стала заходить в гости без предупреждения. Наш король (мой бывший паж!) умоляет спасти его. По моим землям рыщет волк Фенрир, мой Капитан меня предал, Белый Комитет уволил со службы, а любимая вампир обещает убить?!

Но всё изменится, когда к стенам нашего замка подойдёт чёрный драккар, сделанный из ногтей мертвецов...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2674-4

Никто больше не хочет убирать дохлую нечисть с нашего балкона.

Хельга говорит, что ей надо учиться, у неё куча контрольных, самостоятельных, проверочных плюс доклад по истории родного края, а она до сих пор не определилась, где у неё родина, поэтому часами сидит у себя в комнате за компом. Ей очень некогда.

Наш дядя Эдик ходит по квартире в семейных трусах на голове, личным примером показывая Малышевой в телевизоре, где и в каком конкретном месте она не права. Тема правильного (с точки зрения медицины) повышения рождаемости в России его крайне волнует, а потому он тоже жуть как занят.

На мне, как вы помните, попросту висит весь дом, заработки, отчёты и полное обеспечение всех вышеперечисленных лиц. Я работаю!

А вот дохлый гнилозуб вульгарис голубоглазый, плюющийся острыми шипами на три метра против ветра, отравленный обычным дезодорантом для туалета, уже второй день валяется на нашем маленьком балконе. Уверен, что завтра особо нервные соседи начнут писать заявления по поводу гнилостного запаха. Не нам, конечно, а сразу в МЧС.

Видимо, я плохой отец. Моя дочь меня не слушается или, правильнее сказать, слушает, но не слышит. Сейчас у неё душевная травма, первая любовь, поиск своих корней, замедленное взросление, борьба между родственными чув-

ствами к отцу и матери, и всё это связано с выходом в жестокий, но прекрасный мир Приграничья.

Учителя в школе советуют мне быть терпимее и мудрее. Ссылаются, что даже классная руководительница Хельги всё и всех простила, в суд не подаст, а трёхмесячный больничный ей оплатит министерство образования. Вот так бы надо и всем, мягкое толерантное взаимопонимание рулит миром, и полный оу-умм...

Бывший бог с реальной справкой из психиатрички, что практически прописался у нас дома, каждый день, словно древний викинг, выедаёт мне мозг деревянной ложкой.

Образно выражаясь.

На деле он тоже вполне себе реально меня достаёт, но тут уж без вопросов, он дядя Хельги, она его любит, в обиду не даёт, и бредовейшие монологи кудрявого красавчика с прибабахом веселят меня каждый день. Я не жалуясь. Осторожно жалуется население нашего подъезда, дома и, пожалуй, половины района.

Просто на данный момент моя жизнь такова как есть. Получается, что единственное место, где мне дают возможность хоть немного отдохнуть от проклятого быта, — это ледяные Грани плюс ежедневные бои с драконами, мертвяками, вампирами, теньями и инеистыми великанами на каменных стенах моего замка Кость. Исхода нет...

— Ставр! Я хочу «Алёнку»! Ту самую, с которой всё сладко да гладко. И не смей врать, что её нет, мне её по телевизору показывали! Короче, хочу «Алёнку»... или молоток... или пиво, или...

— Мультик про Карлсона?

— Да-а! Там фрекен Бок и плюшки! — Брат моей жены запрыгал по комнате на одной ноге и побежал к телевизору.

У нас заранее подготовлен пакет того, что ему вообще можно смотреть.

Быстрое нажатие пары кнопок на пульте, и я мог снова вернуться к своим делам на кухне. Пододвинул к железному столу железный табурет, положил сверху подушку, а потом

с головой ушёл в умиротворяющие дебри антикварных торгов.

Антиквар-коллекционер, частный специалист по средневековому оружию — это моя официальная профессия. И, собственно, единственный честный заработок.

— Персидский хаджар, конец восемнадцатого — начало девятнадцатого века. Можно взять сейчас и перепродать через два-три месяца за двойную цену, — бормотал я, «мышкой» переворачивая страницы проверенных аукционов. — Нет, за двойную вряд ли, покупательская способность падает. Если так пойдёт и дальше, мне придётся искать работу охранника в супермаркете.

— Без вариантов, добрый господин. — Из-под стола высунулся белый цверг по кличке Десигуаль. Между прочим, в моих старых шортах.

Когда-то он пытался всех нас убить, а теперь живёт у нас за холодильником, жрёт всё подряд, и моя милая дочь выводит его погулять на поводке. Не далее как позавчера этот мелкий гадёныш едва не загрыз матёрого бультерьера из соседнего подъезда. Теперь на нас точно подадут в суд.

— Что тебе нужно?

— Вы печальны, хозяин, я мог бы развеселить вас. Сплясать или спеть?

— Лучше убери ту дохлую тварь с балкона, — подумав, попросил я.

Белый карлик, хрюкнув от счастья, бегом умёлся с кухни, а пару минут спустя с балкона раздалось удовлетворённое чавканье. Ну и ладно, мне всё равно.

— Кого я обманываю?

Когда спрашиваешь сам себя, вопросы чаще всего остаются без ответа.

Меня предал мой же Капитан, меня бросила прекрасная дамбир Дана; мой замок теряет людей в боях; зима уже наступает из-за гор; на нас скалит зубы Белый Комитет — организация, призванная защищать таких, как я, а моя бывшая жена, которая Смерть, всё чаще вторгается в мою

жизнь, и у неё есть на то свои причины; за мной постоянно кто-то охотится, кто-то следит, я не знаю кто, а потому тупо подозреваю всех.

Но всё это глупости, пустота, чушь и бесполезная трата времени. Есть много вещей гораздо хуже, чем проблемы с начальством или постоянная угроза смерти. Например, когда твоя единственная дочь уже неделю разговаривает с тобой короткими, односложными словами: да, нет, спасибо, всё хорошо, спокойной ночи, па. Бесит же дико-о-о!!!

Причём началось всё это даже не из-за меня, это из-за Метью, моего бесполезного пажа из замка Кость. Этот тощий романтик, помешанный на рыцарских книгах, мало того что умудрился втюриться в мою дочь, ещё и на свою голову оказался нашим же королём. У него, видишь ли, есть характерное родимое пятно на заднице! Чем не доказательство?!

Так что теперь чисто номинально я его преданный вассал, и любой каприз королевской левой пятки есть железный закон как для меня, так и для полусотни местных баронов. Правильнее было бы сказать «баранов», но что делать, соседей не выбирают, в таком вот дивном мире мы живём.

— Ставр, у нас ещё остались пельмени? — В кухню хищно заглянул дядя Эдик. — Этот бесстыжий цверг так аппетитно догрызает ядовитую ящерицу, что у меня в желудке урчит.

Я молча открыл холодильник, достал початую пачку пельменей, замороженные сосиски «с дымком», полбанки мёда и аджику. Сойдёт, пожалуй. Бывший бог не особенно привередлив в еде, по крайней мере у меня дома.

В замке, впрочем, тоже, но там он хотя бы отводит душу, ежедневно напиваясь в гавань в лучших традициях древних асов! Тут он может рассчитывать максимум на кефир и кока-колу, даже кофе для него под запретом.

Этот выраженный по фенотипу псих и так чрезмерно активен.

— Когда придёт Хельга, скажи ей, что я её люблю.

— Сам скажи, — такая мороженую сосиску в мёд, предложил Эд. — Разве она поверит словам сумасшедшего?

Я молча кивнул, закусив губу. Мне она тоже не верит. Она считает меня виновным в том, что Метью ушёл из замка. Он — король! Куда хочет, туда идёт! Вот какого же северного мха я не придушил его раньше?!

Мало, мало половин!

Мало, мало извилин!

Мало, мало «джавелин»!

— Эд, без политики нельзя?!

— Что хочу, то пою! У меня справка есть.

Тожe не поспоришь. И не придушишь тожe.

— Я пошёл.

Переход в Приграничье всегда короток, как вспышка: один миг с кровати моей спальни лбом в старый гобелен на стене — и ты уже в другом мире. В этом мне сейчас делать нечего, так что поищу себя в другом. Без цели, без объяснений, без надежды.

Каменные плиты замка Кость были холодными, как сосиски для дяди Эдика.

Зима в наших краях наступает быстро, а осень длится от силы месяц. С того дня, как от наших непокорённых стен отступилось грозное войско покойного короля Барсука Плодовитого, прошло больше двух недель. Окрестности совершенно замело снегом.

В этой белизне и сиянии были практически не видны Грани — высокие глыбы из нetaющего прозрачного льда, защищающие нас от последствий рагнарёка. Мир древних богов рухнул, как и было предсказано, но исчез не весь, и то, что осталось за этими стенами, иногда вырывалось на свободу. А в последние месяцы, если вы вдруг помните, Грани вообще открывались как попало, и оплачивалось это всегда человеческой кровью.

Для того чтобы этого не происходило, существуем мы, граничары.

— Сир? — В освещённом факелами коридоре показалась массивная фигура старого крестоносца.

— Да, Седрик, это я. Ты уже нашёл замену свинтившему недоразумению в новенькой короне?

— Вы имеете в виду Метью? — Он отрицательно помотал головой.

— Ты чертовски проницателен.

— Это комплимент?

Седрик не издевается, просто у него такая манера речи, он всегда говорит вопросами. Я сам пробовал не раз такое повторить, не вышло. Впрочем, и у дяди Эдика тоже, и у Хельги, и у Даны, и вообще у всех прочих, а вот у него запросто!

— Хотите хорошую новость, сир? — Он сопроводил меня в мою личную комнату, там горел камин и можно было спокойно переодеться соответственно эпохе. — Вы же не знаете, что случилось с леди Мелиссой?

— Она слиняла, съехала, вернулась домой, вышла замуж, наверху из окна башни, попала под горячее копыто Центуриона, была съедена волками, умерла в муках, выжила, чтобы торжественно умереть сегодня в моём присутствии...

— Неужели даже отсюда вы не слышите её рыданий?

Понятно, старая ведьма жива. Кругом обман и разочарования, эта бодрая старушка лет за сто пятьдесят с хвостиком всерьёз озаботилась планами осчастливить меня законным браком и, судя по всему, при ускоренном развитии событий даже намерена стать моей же вдовой. Где тут хорошая новость? Я в упор её не вижу.

Хотя да, рыдания действительно чрезмерно громкие.

— Так мне одному кажется, что я слышу сквозь всхлипывания чьё-то имя на букву эм? — хитро подмигнул мне этот небритый лис.

— Метью? — обомлел я.

Старик удовлетворённо хмыкнул в седые усы.

— И эта старая овца туда же...

— Ну так ведь теперь малец король, нет?

Да, мысленно согласился я, это многое объясняет. И вот тут по факту у нас появился реальный шанс, что язвительная ровесница пирамид с неконтролируемым сексуальным креном по всему борту всё-таки свалит от нас в столицу. Мой друг прав, это действительно очень неплохая новость.

— А как наша маленькая миледи Хельга?

Хорошая новость тут же приобрела прогорклый привкус. Как я теперь скажу ему, что моя дочь и слышать не хочет о Приграничье, Гранях, замке Кость, в котором её любят и ждут? Да, конечно, Метью от нас съехал, но разве Центурион, Ребекка, Седрик, толстая кухарка Агата, Серый Брат или даже русалки в озере к этому причастны? Если же она считает, что виновен я, то по-любому зачем наказывать их всех, а?

— Пожалуй, мне стоит нанести прощальный визит нашей знойной гостье, — вслух подумалось мне, пока старый крестonosец неспешно застёгивал у меня на груди пряжки тяжёлого плаща из шкуры полярного белого волка.

Практически непробиваемая вещь, неоднократно спасавшая мне жизнь. Её даже арбалетные болты в упор не прошивали, а уж мечи и секиры просто соскальзывали при ударе. Да, собственно, поэтому я и получил столь неоригинальное прозвище — Белый Волк.

Тот же Эд, например, как бывший бог, имел с десяток куда более эффектных кличек: Делатель Вдов, Сотрясатель Земли, Сопровождающий Драккары, Метатель Грома, Пробивающий Любые Доспехи, Зачинатель Детей (как без этого?!), Стальной Кулак, Возвышающий В Битве, Держатель Кубков и прочее-прочее-прочее.

Я как-то пробовал называть его Берсерк В Квадрате, но не прижилось.

— В замке всё в порядке, — скорее себе, чем Седрику, сообщил я.

— Ну неужели я бы не доложил вам, сир? — не особенно искренне отмахнулся он.

Во время моего отсутствия именно этот крепкий старик, живая легенда всего Приграничья, является моей правой рукой, держа весь гарнизон в железной рукавице. Но это не значит, что мне позволено приходить сюда как на курорт за экзотическими развлечениями, антиквариатом и адреналином.

Нет, конечно, хозяин тут я! Но, не будь при мне этой седой, лысой, небритой няньки, кто знает, сколько бы часов, дней, месяцев протянул пылкий молодой граничар в суровом мире северных мифов...

Гостевая башня у нас одна, но имеет как минимум три входа-выхода. Два тайных, гостям об этом знать необязательно. Однако, каждый раз возвращаясь в замок, первым делом надо поздороваться с людьми. С постоянным, так сказать, персоналом, воинами на стенах, наёмниками, кузнецом и конюхами. Мало кто знает, как непроста жизнь бурого феодала, столько условностей.

— Кто смеет не приветствовать хозяина замка Кость и вашего доброго господина?! — полковой трубой взревел участник трёх Крестовых походов.

— Да здравствует Белый Волк, — выпуская изо рта облачка пара, осторожно прокричали бойцы.

Я их понимаю, кому охота драть глотку на морозе? Но тем не менее...

— Не слышу.

— Да здравствует наш господин Белый Волк!

— Не слышу, негодяи... Эй, Седрик, — я резко обернулся к нему, повышая голос, — ты что, не сказал парням, что зима на подходе? Что снега уже завалили равнины, что в горах сходят лавины, что перевалы засыпаны и единственное место, где их ждёт горячая еда и крепкое вино, — наш благословенный замок Кость? Где все вы в тепле, уюте и спокойствии переждёте холода, к тому же ещё и получая за это жалованье звонкой монетой? Или кто-нибудь хочет уйти?

— Не-э-эт!

— Тогда что надо сказать? — поддержал меня Седрик.

— Да здравствует наш добрый хозяин и господин, лорд Белхорст — Белый Волк!!! — оглушительным хором взревели все, стуча клинками мечей о щиты.

Это уже совсем другое дело, приятно, вот так бы и с первого раза...

— Я в конюшню к Центуриону, а потом загляну к леди Мелиссе.

— Почему не сразу к ней, сир?

— Потому что облезет, — громким шёпотом сообщил я и развернулся к стоящей в глубине двора каменной конюшне с крытой досками крышей и дополнительным утеплителем на ней же в виде вязанок соломы. В затяжные зимы лошади отлично её едят, так что мы убиваем двух зайцев сразу.

Так вот, едва толкнув двери, я стал невольным свидетелем безобразной сцены ревности, разыгравшейся между моим личным жеребцом Центурионом и нежной белой кобылой Ребеккой.

Вообще-то у них любовь. Что периодически и приводит к таким вот диким перекосам во все стороны. Это дело сугубо женское, нам, мужчинам, не понять. А ещё они оба говорящие кони. Взрыв мозга, короче...

— Да шоб ты весь сдох до того, как я это переживу, а я оно не переживу, поэтому давай отбрасывай копыта первым, коварный изменщик, которому я вся таки доверилась, а оно мне было надо?

— Я не козёл.

— Шалом, я в курсе! Шоб ты был дико удивлён, но я рублюсь в зоологии, и ты не козёл, у тебя нет рогов, поскольку я честная кобыла, а ты... ты... Святой Моисей, с кем я разговариваю, ты же вообще как есть гой необрезанный?!

— Ну знаешь...

— А таки вот и не знаю! Другие знают, а у меня был только ты! И я была только с тобой, шо на выпасе, шо в ко-

нюшне, об чём вся сплошь жалею, тоскую и таки со слезами раскаяния подсчитываю упущенные возможности!

Потом они оба наконец-то соизволили обратить на меня внимание, но, прежде чем чёрный великан успел вставить хоть слово, быстрая андалузская кобылка скакнула вперёд, прижавшись ко мне грудью и положив голову на плечо.

— Ох, лорд Белхорст, таки как же мне повезло, шо хоть вы меня всю понимаете!

Я предупреждающе поднял ладонь, давая знак своему коню, чтоб тот и думать не смел вмешиваться.

— У меня такое горе, ой вей, такое горе, шо я даже не знаю, с чего начать. Да и с чего оно всё началось, тоже уже не есть так уж важно. Но вы же к тому тоже близки, у вас оно тоже есть, вы разбираетесь в чувствах?!

— Понимаю, он должен извиниться?

— Лорд Белхорст, я же вся вас люблю!

— Центурион?

— Ну-у...

— Не нукай, не запряг. — По отношению к высоченному вороному жеребцу с гривой до колена и размером копыта с тарелку это звучало двусмысленно. — Давай побыстрому извиняйся перед девушкой, и закроем эту тему.

— Но я ни в чём не виноват.

— Тогда тем более извинись, дубина!

Центурион посмотрел мне в глаза, оценил набегающие слёзы на длинных ресницах Ребекки и безоговорочно капитулировал всеми четырьмя подковами. После страстных извинений и жарких взаимных примирений, когда я уже собирался уходить, мой чёрный скакун удержал меня зубами за воротник.

— Друг мой, хозяин и господин, — с непередаваемой гремучей смесью всех мыслимых интонаций пробурчал он, — помнится, твоя Хельга под честное слово обещала мне пару книжек почитать. И что-то там ещё по поводу публикации моих мемуаров в журнале «Люди и кони». Не то чтобы я её торопил, но, знаешь ли...

— Ой, оставь лорда в покое, — вступилась за меня деликатная и всё понимающая Ребекка. — Ты шо, таки сам не видишь, что у человека проблемы, ибо он же папа? Ты не отец, тебе не понять. Пусти меня, и мы с лордом Белхорстом таки дружно поплачем вместе. А шо не так? Оно ему надо!

Чёрный конь изумлённо уставился на меня глаза в глаза.

— Хельга больше не придёт?

Что я мог сказать в ответ? Горло перехватило...

Меня спасла леди Мелисса. Болтливые лошади — это тот ещё комикс, и если бы они лишь болтали между собой, так кто бы парился, но в наших краях такие демократичные идиоты, как я, позволяют им лезть в человеческие дела. Порой это полная задница...

— А я вас вижу, мой скромный искуситель!

Врёт как дышит. Старая вешалка ни за что не могла с высоты гостевой башни видеть меня, беседующего с парой говорящих лошадей в дальнем углу конюшни. В стойлах, кстати, стояло ещё с десятков скакунов, неговорящих или не представляющихся таковыми. Лошади у нас разумны, но делятся даром языка далеко не все. Это их право, иногда молчание — золото.

Именно поэтому я молча вышел из конюшни и, не раскрывая рта, встал под окном гостевой башни. Улыбающаяся леди Мелисса, разнаряженная в меха и парчу, покрашенная так, что любой Пикассо обзавидуется, уставилась на меня сверху вниз.

— Лорд Белхорст, не знаю, как вы это переживёте, но нам надо расстаться.

Я опустил голову, боясь поверить собственным ушам.

— Да, мне известно о тех чувствах, что переполняют ваше сердце. Признайтесь же, вы влюблены в меня, и не пытайтесь более скрывать эту сладостную боль. Мне ведомы все тайны вашего мужественного сердца. Но, увы, я пришла причинить вам ещё большую боль.

Я продолжал кусать губы, пряча счастливые слезы, а наши парни на стенах заинтересованно вытянули рожи.

— Вы должны принять то, что мы не подходим друг другу. Если вы действительно любите меня, если вам дороги ваша дочь и ваш замок, вы сами откроете мне ворота!

Честно говоря, я даже не представляю, какими усилиями воли наёмники на стенах не пустились в пляс. А уж как я сам держался, чтобы не заржать, кто бы знал...

— Мне больно покидать вас. Это не значит, что ваши чувства были безответны или я предала мою милую сестричку Хельгу. О нет! Моё сердце переполнено любовью к вам! Но мой суровый долг перед родственниками, перед людьми, перед отечеством, в конце концов, зовёт меня в дальние края! Мне предстоит трудный путь, но молодому королю нужна зрелая и опытная королева! Не уверена, что вы сейчас в состоянии постичь всё величие моей высокой жертвенности, но... Ах, только не плачьте! Вы просто разрываете мне сердце!

Нетушки, мы плакали, мы просто рыдали все. И я, и стражники на стенах, и Седрик за углом, и кухарка Агата, и лошади в конюшне. Но леди Мелиссе было не до того. То есть она, конечно, всё видела и слышала, но интерпретировала по-своему.

— Не плачьте, мой скромный шалун. Утрите слёзы обитателям этого прекрасного замка. Я никогда не забуду вас, а вы, надеюсь, меня.

— Никогда-а, — хором пронеслось над стенами и даже, кажется, из конюшни.

Деловитая леди Мелисса закрыла окно, видимо спешно собираясь в дорогу. Заснеженных путей она не боялась, мороза тоже, до ближайших соседских владений сани довезут её за полдня, а там у неё везде родственники или связи.

— Будете скучать, сир?

— Нет, Седрик, объявлю праздник с карнавалом, фейерверками, пьянкой и танцами, — едва не бухаясь на колени,

клятвенно пообещал я небесам. — Зима в горах длинная, надо же людям хоть как-то развлекаться.

В моих словах не было лукавства. Если брать весь год в целом, то именно поздняя осень, три зимних месяца и полтора до середины весны были самыми спокойными в Приграничье. Осенью дожди размывали дороги так, что ни конным, ни пешим не проедешь, а зимой, в сугробах по пояс, к нам под стены вообще никто не рисковал соваться. Ну разве что кроме летающих драконов, эти могли бы, но, как и большинство змей, в холода они также впадают в спячку.

Мы хорошо укреплены, у нас проверенный гарнизон, набитые кладовые, приличный запас муки, вина и круп, можем отбить любого врага, как и пережить любую осаду. Не в первый раз, в конце концов. Ну, вы, наверное, уже догадались, что я был слишком наивен и беспечен...

Буквально через каких-то двадцать — двадцать пять минут леди Мелисса властно приказала подать ей сани, лошадей и охрану. Последнее было лишним, до половины пути мы с Седриком предпочли проводить её лично (не дай бог, вдруг передумает?), а дальше снежную дорогу контролировали наши волки.

В последнее время Серый Брат, вожак стаи, держит стаю своих хищников поближе к русалочьему озеру. Там у нас ещё два каменных тролля, но они традиционно засыпают к зиме. И кстати, будить я их никому не посоветую...

Когда сани выехали из ворот замка, сидящая в них леди Мелисса более походила на шар из медвежьих шкур с прячущимся где-то в мехах длинным синим носом и бегающими глазками. Очень надеюсь, что она не слышала вопли радости, аплодисменты и громовой хохот, раздававшийся со стен. По-моему, парни так даже прошлой победе над врагом радовались как-то менее активно, а тут...

Молодой конюх счастливо нахлёстывал лошадей. Седрик восседал на своём молчаливом мерине, зато мой Центурион болтал, не затыкаясь, всю дорогу. Он такой, если ему надо, то может быть нудным похуже Ребекки.

— Я так понял, что ты поссорился с Хельгой, да? Ставр, у меня на тебя нет слов... Это дико, неразумно и непедagogично, в конце концов. Макаренко тебя бы не простил, а Песталоцци вообще бы выпил яду! Да ты их и не помнишь, а я читал. Я очень образованный конь, между прочим!

Моя попытка прикрыть уши руками не увенчалась успехом, эта скотина всегда говорила очень громко.

— И твой Пелевин не всегда прав, Губанов чрезмерно образен в ущерб здравому смыслу, про Виктюка вообще приличными словами не скажешь, а вот Башмет — гений! Глаза б мои не видели Гарри Поттера и Солженицына, у Донцовой чудесные дети (или мопсы, не помню?), мат в литературе обедняет язык автора, но если резюмировать всё вышесказанное, то я бы хотел почитать весьма спорную энциклопедию Невзорова о лошадях и категорически не читать его же обо всём остальном, но всё равно получается, что ты плохой отец!

Я остановил коня, спрыгнул с седла, потянул болтуна за повод и молча врезал ему по ушам. Чёрный монстр замер на месте в шоке от такого грубого насилия.

— Если ты ещё хоть раз сунешь свой нос...

— Понял.

— Очень и очень надеюсь.

— Честное слово, понял, ты мог бы просто сказать, к чему это рукоприкладство?

— Если ты ещё ждёшь извинений, то, видимо, не дошло...

— Дошло! — Он сразу включил заднюю скорость. — Сам дурак, голова большая, а мозг как у страуса, что с меня возьмёшь, верно? Мы же друзья, ты же не продашь меня на следующей зимней ярмарке? Я хороший, и у нас с Ребеккой ещё могут быть дети. Ставр, я даже разрешу тебе их воспитывать! Чего ты сразу как этот?!

Мне оставалось только крепко обнять его за шею, помолчать и, вскочив в седло, догонять ушедшие далеко

вперёд лёгкие сани леди Мелиссы. Мы действительно настоящие друзья с Центурионом, а дружба человека и лошади всегда предполагает некие компромиссы, как без этого?

Я готов был признать, что он в чём-то, пусть не всегда, не во всём, но прав, а ему, в свою очередь, пришлось прикусить слишком длинный язык, помня, как важна между друзьями не только откровенность, но и разумная деликатность. Быть может, до сих пор лошади лучше владеют этим искусством, чем мы, люди. Не всегда, разумеется, но в подавляющем большинстве случаев.

У русалочьего озера мы расстались с нашей навязчивой гостьей. Честно говоря, я почему-то думал, что она полезет целоваться или хотя бы что-то скажет, но склочная старуха лишь плюнула мне под ноги и укатила. Кстати, и плюнуло не особо удачно, так и поехав дальше с оплётанным собственным подбородком.

Но, как бы то ни было, я впервые за несколько месяцев вдруг испытал невероятное чувство свободы, захлестнувшее шальной волной голову и грудь.

— Седрик, дружище, тебе не кажется, что мир стал чуточку светлее? Небеса чище, воздух звонче, и даже мороз не морозит, а бодрит!

— Сир, какого ответа вы ждёте от старого забулдыги?

— Просто порадуйся вместе со мной!

— А что, когда-нибудь было иначе?!

Мы дружно пустили наших коней вскачь, уходя с главной дороги на просёлочную, через лес. Во-первых, это короче, сани там бы и не прошли, но мы-то верхами, а во-вторых, зимний лес всегда восхитительно прекрасен.

Зелёные иглы вековых сосен усыпаны живым серебром, нетронутый снег под копытами хрустит хрустальной пылью, сияние и блеск такие, что невольно шуришь глаза, и вообще всё вокруг кажется волшебной предрождественской сказкой. Видели вы такое когда-нибудь?

Небо между крон деревьев было голубым, чистым и каким-то особенно прозрачным, словно родниковая вода,

в которой отражаются все текущие облака. А наш мир воспринимался высоким отражением мира иного, свободного от пустых и лишних деталей, мира настоящего, светлого, который ждёт всех нас, быть может, в будущем...

— Ставр?

Я не сразу понял, что ко мне обращается Центурион.

Чёрный конь (по правилам надо говорить вороной, но разве кого-то так уж интересуют правила?) поднялся на дыбы, осторожненько, чтоб я резко не выпал из седла, помесил воздух копытами, встал и обернулся ко мне:

— Волк!

— Центурион, здесь везде волки. Но они наши друзья, и если ты...

— Посмотрите, сир, мне одному это кажется?!

Я опустил взгляд под копыта Центуриона и невольно вздрогнул.

Гореть тебе в аду, дьявольское отродье, как обычно говорит моя дочь, ибо на снегу чётко был виден отпечаток волчьей лапы вдвое больше копыта моего коня. Если вы сравнили и поняли, то это...

— Сугроб мне в лоб!

Центурион в очередной раз взвился на дыбы, видимо, исключительно для того, чтобы я получше осознал то, что вижу. Мне пришлось быстро соображать, потому что память услужливо подсунула череду чудовищных картинок кровавого рагнарёка, и, к стыду своему, я не запомнил всех, кто выжил. А ведь выживали не всегда лучшие...

— Не моя вина, не моя проблема, — твёрдо объявил мой конь, наклоня голову так, что я съехал по его крутой шее вниз, не упав, но твёрдо встав на ноги.

— Что скажете, сир?

— Ну-у, чтоб я отбросил копыта и был принят богами в лошадиную Вальгаллу, где только толкаются за овёс и пьют брагу, а не ходят в библиотеку...

Седрик шикнул на Центуриона, и тот виновато передернул плечами.

— Это невероятно, — вслух произнёс я, склоняясь над отпечатками следов.

В девственно-чистом снегу были чётко отпечатаны следы некоего зверя (волка, шакала или собаки) невероятных размеров. Если бы я не знал, что он погиб в огненной ярости рагнарёка, то при всех сказал бы, что такой след может оставить лишь один зверь на всём белом свете. И на не белом тоже. На любом.

Фенрир!

Я видел его издалека, в тот день граничары держали свои участки до последнего, а сумерки богов, словно бы кровавый кашель, выхаркивали все силы Света и Тьмы на нашу нейтральную территорию, где и продолжалось страшное месиво. Я несколько лет после этого просыпался от собственных криков, в горячечном поту и долго не мог уснуть, меня преследовали кошмары...

Да и не важно, пусть бы они все там отдышались, успокоились и пошли друг на друга в очередную атаку или, наоборот, не признали своё поражение и остались тут, с нами, но в те времена никто не стоял на месте, как никто не прикрывался нашими щитами.

Асы, ваны, инеистые, мертвецы и монстры вообще не воспринимали нас, граничар, как нечто важное и весомое в этом мире. Они все слишком циклились на себе любимых, что и сгубило старый мир. Но тем не менее мы были, мы есть и с нами приходится считаться.

Я опустил на одно колено, внимательно осматривая глубокий волчий след. Честное слово, отпечаток такого размера в наших краях ещё не встречался ни разу. Получается, что зверь, прошедший здесь, был куда крупнее моего коня?

Центурион, конечно, пыжился, что-то из себя строил, но, как бы ни старался, всё равно не мог своим копытом закрыть хотя бы половину отпечатка следа.

— Кто это, Ставр?

— Помолчи, я думаю.

— Сир, как я понимаю, это волк, нет?

— Седрик, ты меня бесишь!

— Вы уверены?

— Да, чёрт тебя подери! Это следы гигантского волка. Откуда он тут взялся? Почему меня не предупредили? Если Серый Брат его видел и не сказал, то после этого брат он мне или не брат?!

— Рад ты мне или не рад? — счастливо поддержал меня бывший крестоносец, не успев вовремя закрыть рот.

— А давайте просто убежим домой и никому ничего не скажем? — вновь влез мой чёрный конь.

Мне жутко захотелось ещё раз дать ему по ушам, но это было бы несправедливо. Он вёл свою линию от собственного понимания поведенческой логики. Не можешь справиться с проблемой, беги, и всё тут! Вдруг всё само устаканится?

Я же был вынужден опираться на общеизвестные факты. Которые упрямо подтверждали гармоничную картину мира, но никак не давали в ней равноправия лошадям и людям. Да, оно, может быть, неправильно, но это так. Увы...

Если вы помните, то из-за Граней к нам периодически забрасывало кучу самых разнообразных тварей, однако чтобы вот такой зверь погулял по нашей территории, наоставлял кучу следов и не был никем замечен?! Не верю!

Седрик, скромно проехавший вперёд, тихо свистнул.

Мы с Центурионом двинулись навстречу, запах остывшей крови почувствовался уже через несколько шагов.

— Я был не прав, он оставил не только следы, его заметили...

Небольшая полянка за елями была истоптана и взрыта могучими когтями, а грязный снег сплошь покрыт красными пятнами. Судя по ошмёткам бурой шерсти и паре обглоданных костей, эта тварь задрала очень крупного медведя. То есть практически за шиворот выволокла из берлоги, загрызла и сожрала.

— Да ну, один волк против ярости разбуженного медведя... Что же это за хищник такой?

— Быть может, ваши лесные друзья подскажут? — тихо предположил бывший крестоносец.

Седрик далеко не трус, но я видел, что и ему явно неуютно в снежном лесу, где в любой момент может подкрасться огромный волк, судя по следам, едва ли не выше моего ко- ня в холке.

— Надо возвращаться. — Я рванул поводья, разворачи- вая Центуриона. — Здесь нечего ловить. И да, ты прав, нам нужен Серый Брат. Он не появлялся у замка в последнее время?

Седрик отрицательно помотал головой. Что ж, наши до- говорённости с волчьей стаей были весьма условны и про- зрачны. Серые хищники должны были бдительно охранять наши границы, если и не вступая в схватку, то уж всегда предупреждая о приближении врагов. И они честно держа- ли слово.

Мы же в свою очередь обещали подкармливать их в слу- чае голода, когда зимой в горах тяжело охотиться. Вообще, олени и лоси в здешних лесах водятся в избытке, так что стая обычно с добычей, но мало ли, бывает всякое.

Я хотел попросить Центуриона чуть сбавить ход, наклони- вшись к его шее, и...

Это спасло мне жизнь. Коротко свистнувшая стрела уда- рила меня под лопатку, а не в затылок. Плащ существенно ослабил удар, пробить его почти невозможно, но сам факт?!

— Разбойники! — развернувшись, прорычал мой конь, вставая на дыбы. — Ставр, не держи меня! Тяжёлый день, разборки с любимой кобылой. Сплошные нервы, недоста- ток позитивной литературы, и надеюсь, ты не будешь про- тив, если я... сейчас... хоть кого-нибудь... убью же на хрен!!!

— Пелевина больше не получишь, — только и успел пробормотать я.

Вороной гигант лошадиного племени бросился вперёд на четырёх оборванцев, пытавшихся взять нас в кольцо, преграждая путь. Двоих он просто смял грудью, третий по- лучил в лоб обухом боевого топора Седрика, а четвёртый

бросился бежать, проваливаясь в сугробы, швырнув в нас разряженный арбалет.

— Прикажете догнать мерзавца, сир?

— Пусть уходит. — Я остановил горячего старика. — Есть более важные дела, чем залётные бандиты. Если бы они сунулись в деревню, там бы их подняли на вилы крестьяне. Неудивительно, что они пытались хоть кого-то ограбить в лесу.

Не подумайте, что я был тогда слишком милостив. Скорее наоборот — в диком зимнем лесу человеку не выжить. Поэтому мы все прекрасно понимали — такое нападение вряд ли бы произошло случайно, и тот, кто дёргал за ниточки, вёл свою игру. Мне нечего было ему противопоставить. Хотя бы на тот момент, но мы сочтёмся потом...

Мы успешно вернулись в Кость до темноты. Серый Брат не встретился нам по дороге, и я впервые задумался о том, что и близко не представляю себе, как его позвать, если очень понадобится. Непростительная глупость с моей стороны.

Что же теперь, если он будет нужен, так мне вставить на стену и выть по-волчьи? Кстати, честно говоря, это было первое, что пришло мне в голову. Значит, именно так и придётся поступать. Может, попросить Хельгу сфоткать меня в этот позорный момент?

Из замка я ушёл в полночь. Дома все спали. Я очень тихо спрыгнул с предательски скрипнувшей кровати. Так же без лишнего шума прошёл на кухню, поставил чайник и включил компьютер. Ну что ж, по торгам ничего особо важного не было.

Покупки антикварного оружия совершаются не каждый день, а последнюю пару лет в связи с новыми чудесными законами любой малый бизнес переживает упадок. Тем более если речь идёт о коллекционерах. Нумизматы или филателисты почему-то не интересуют полицию, а вот те, на кого можно повесить «торговлю оружием», о-о-о...

Это вне диалогового обсуждения, это просто данность. Говорить об этом можно долго, но не хочется самому себе нервы трепать. Поэтому я лишь заварил кофе (как ни странно, он меня не бодрит, а убаюкивает) и проверил соевый.

Тут было несколько интересней. Сразу три эсэмэс от Даны:

«Позвони мне». «Я виновата, но ты должен меня выслушать». «Пожалуйста!»

И всего одно от Капитана:

«Завтра в 12».

Коротко, внятно и по существу. Завтра в двенадцать часов он ждёт меня у себя в кабинете, не задумываясь о том, что я могу быть занят на службе или вообще чем угодно.

Как будто бы у граничар нет личной жизни! По крайней мере, она никогда не подразумевается нашим уставом. В том мире, у Граней, в Приграничье, ты вправе иметь хоть десять жён, толпу любовниц или, обладая феодальным правом первой ночи, тащить к себе в постель кого угодно, от невинной девицы до старой коровы, — никто из начальства и слова не скажет. Но, если у вас жена и ребёнок в этом мире, могут быть проблемы...

А меня тут дочь. Девочка очень непростая, даже сложная во всех смыслах. К тому же её золотоволосая мама — великая Хель, богиня смерти у древних викингов.

Возможно, это единственная существенная причина, по которой нас стараются особо не трогать. То есть уволить были просто обязаны как минимум, но по факту с богиней смерти почему-то не хочет связываться никто. Даже самый упёртый атеист из Белого Комитета.

Такие там есть, уж поверьте, и одна из самых активных противниц моей жены в данный момент находится на длительном отдыхе в узкоспециализированном медицинском учреждении с плечистым персоналом, в комнате, обитой войлоком. Это очень безопасное, чистое и хорошо запертое местечко. Куда приятней и уютней, чем Ледяной ад в Хель-

хейме, где моя бывшая, но тем не менее супруга ныне правит бал...

— Ты бодрствуешь? — За моей спиной бесшумно возник дядя Эдик.

Когда моя дочь спала, он мог позволить себе ходить по дому голым. Ох, да Один всемогущий, кому я вру?! Он и при Хельге не особо утруждал себя труселями.

— Ставр, кругом враги!

Эд прошёл на кухню и сел напротив меня, целомудренно прикрыв одно место кухонным полотенцем. Срочно в стирку...

— Тебя так долго не было, что наш общий дом успели оцепить, моя маленькая племянница ещё не вернулась из школы, а я уже вёл бой! Эти злодеи на чёрном джипе достали весь подъезд, они опять включали музыку!

Я молча опустил лицо в ладони.

— Нет, нет, нет! Ты должен знать! Ты обязан понимать, в каком страшном мире воспитывается твоя дочь, — разорвался бывший бог со справкой, а он вообще заводится даже не с полоборота, а от случайного касания монтировки. — Там звучала песня про скрипача, и представляешь, что я услышал? «Повесил свой сюртук на спинку стула музыкант...», потом припев, чего-то там, а потом... та-дам!!! Концовка: «Устал скрипач, хлебнул вина, натягивая фрак...» Фрак! Ставр, он снял сюртук, а ушёл во фраке! Я был возмущён, я кричал им, но они не слышали, их уши глухи к поэзии...

— Что с машиной?

— Я бы на твоём месте больше интересовался судьбой прикроватной тумбочки. Она в щепки! У чёрного джипа, к сожалению, лишь помяло крышу и переднее стекло пошло трещинами. Я разочарован. А ты спрятал мой молоток. Ты нехороший человек, нечестный, непорядочный, и само понятие благородства совершенно чуждо твоей чёрствой душе.

— Потому что я не кидаюсь по чужим машинам тумбочками с восьмого этажа?

— Да! Да-а! Боги тебя за это не простят, чтоб ты знал. Я — прошу, дай шоколадку.

Мне пришлось встать и дать. Нет, не в рог и не по мозгам, а именно шоколадку.

Дядя Эдик хоть и полный псих, но крайне щепетилен в каких-то мелочах. Лазить по холодильнику, брать что-либо съедобное без спроса — для него табу! А вот, никого не спрашивая, цапнуть из моей комнаты прикроватную тумбочку, чтобы швырнуть её с балкона в соседскую машину, это запросто! Такие вещи у него никогда не застревают.

Значит, завтра нам предстоит очередные разборки и гарантированная выплата за ремонт авто. Не в первый раз, деньги пока есть, правда, я предпочёл бы потратить их иначе, но тут уже тоже без вариантов. Если вы держите дома сумасшедшего кудрявого бога, то будьте готовы платить за это сомнительное удовольствие.

Получив шоколад, дядя Эдик покровительственно хлопал меня по плечу тем же полотенцем и важно ушёл к себе. Мне, как вы понимаете, уже ничего не хотелось, но, подумав, я всё-таки решил отправить эсэмэску Дане.

Глава клана дамбир в своё время дала клятву беречь и охранять мою дочь. Они даже как-то подружились, но с некоторых пор наши личные отношения стали заметно прохладней. Не в последнюю очередь это связано с несанкционированным провозом девочками клана Красной Луны в наш мир одной кровососущей твари, моего бывшего соседа, барона Роскабельски. Обвинили, естественно, меня...

Ну и других моментов там тоже хватало, так что теперь я даже не представляю, на чьей она стороне.

«Извини, что не звонил. Много дел. Кофе?»

Ответ пришёл буквально через полминуты:

«К чёрту кофе. Тебя!»

«Как бы половина второго ночи...» — осторожно набрал я, прекрасно понимая, что мне ответят.

И не ошибся.

«Спускайся. Синий «Чероки» за углом. Я голая».

Ну и кто бы из мужчин не спустился? Лично у меня даже мысли перенести встречу на послезавтра не было. Именно сегодня, здесь и сейчас!

Я быстро проверил квартиру — судя по ровному сопе-нию, и Хельга и Эд спят. Если меня полчаса не будет, то... то какие, задница Слейпнирова, оправдания ещё нужны?!

Мне приходится уходить по службе почти каждый день, я дерусь на стенах средневекового замка, отражая мечом и секирой очередное нападение баронов, мертвяков, драконов или инеистых великанов. И что, в доме кто-нибудь парится по этому поводу? Кого-то дико волнует, что я постоянно рискую своей жизнью и головой? Кто за меня переживает — бывший северный бог с креном на всю башку или дочь Смерти?! Они меня любят, да, но переживать, что папы нет дома, ох, увольте, это даже не смешно...

Я осторожно закрыл дверь, стараясь как можно тише проворачивать ключ в замке, и спустился вниз пешком без лифта. Периодически он имеет нехорошую тенденцию застревать между этажами, а сегодня мне не стоило терять время. Ни минуты.

На улице было прохладно, невзирая на середину осени. В наших южных краях даже сентябрь жаркий, поэтому ветерок в конце октября — нерадостный признак скорой осени и близкой зимы. Хотя в том же Приграничье давно лежит снег...

Тёмно-синий джип с тонированными стёклами действительно стоял за поворотом. При моём приближении машина дважды мигнула фарами. Передняя дверь открылась, являя моему взору черноволосую дамбир в женской ипостаси костюма дяди Эдика. Ну, быть может, сравнение не очень удачное, к тому же она вообще ничего не прикрывала кухонным полотенцем.

— Милый, ты хоть представляешь себе, что значит караулить тебя здесь третий день, вынужденно открывая

дверь полиции и вежливо объясняя, почему я за рулём без одежды?!

У меня был только один вариант ответа — действием, чем я и воспользовался.

Дана даже не потрудилась закрыть дверь на замок, когда растёгивала мой ремень. Дальше я не буду ничего описывать, желающим почитать о «потоке огненной лавы, вторгающейся в тайный проход из жилистого жезла мироздания...» просьба обратиться к другим авторам. В наше время вы легко найдёте всё что угодно, был бы Интернет.

— Когда-нибудь я убью тебя, — прошептала мне на ухо мокрая и горячая дампир примерно через полчаса. — Просто за то, что ты не рядом и я не могу быть с тобой всегда.

— Спасибо, тронут...

Честно говоря, я не знал, как ещё можно ответить на такое откровение.

Предложить даме руку и сердце? Умолять её выйти за меня замуж? Клясться, что сам себя убью, если она откажется? Ну, мы оба вроде бы взрослые люди, сантименты и реакции восьмиклассников как-то не особо греют после тридцати.

— Ставр, мне многое надо тебе сказать.

— Может быть, тогда стоит одеться?

— Смысл? Я уложусь в пять минут, и мне снова придётся стаскивать с тебя эти дурацкие джинсы. Пожалуйста, выслушай меня молча и не вырывайся, всё равно я знаю, как тебя удержать.

О да... поверьте, она знала. Вампиры считаются очень сексуальными и даже озабоченными, но, когда доходит до дела, они не способны устоять перед запахом человеческой крови. Дампир — иные, они ближе к людям и способны не только на любовь, но и на истинное самопожертвование. Это прекрасно и опасно одновременно.

— Ты должен знать, что я не свободна в принятии ряда решений.

— Ты говоришь как депутат от КПРФ в программе Соловьёва.

— Хочешь по-другому? Легко! — И она сделала так, что на пару минут я предпочёл заткнуться и наслаждаться.

— Наш клан не самый влиятельный в Поволжье, но один из самых эффективных, — мягко продолжила Дана, давая мне возможность перевести дух. — И во многом такая боеспособность моих девочек обеспечена тем, что у них нет связей с мужчинами.

— А у тебя есть.

— Да, дьявольщина, у меня есть! Ты — моя ошибка, моё слабое место, моя ахиллесова пята, и хуже всего, что это ни для кого не секрет! О нас все знают. И Белый Комитет, и все твои в замке, и многие тут, из тех, кому вообще не стоило бы знать о клане Красной Луны. А уж тем более о том, что глава клана влюбилась...

Я приподнялся на локте и поцеловал её.

— Ты не понимаешь, — устало выдохнула Дана. — Твоя дочь — это живое оружие, которым хочет воспользоваться каждый. Белый Комитет её руками может навсегда запечатать Грани. Те, кто за стенами, рассказывают, что она поведёт в бой всю нечисть Севера и вернёт власть старым богам! Нечисть, живущая здесь, боится репрессий и не хочет войны, они научились жить в этом мире, а присутствие Хельги таит для них угрозу существования. Люди в городе пока ничего не знают, но чувствуют общее напряжение и рано или поздно начнут искать виноватого. Искать долго не придётся, верно? Если взвесить все «за» и «против», то даже тебе, отцу, станет ясно — не будь этой девочки, всё вокруг было бы куда спокойнее...

Я не мог с ней спорить, я знал, что рано или поздно моя девочка станет камнем преткновения для всех. Время выбора не за горами, а в какой конкретно день это произойдёт, не знает никто. В данном вопросе первую скрипку играет уже не божественная воля, а божественное дурачество, сле-

пой случай, рулетка, на которой одновременно может выпасть красное, чёрное, зеро.

— Я могу увезти её в замок.

— Можешь. Но что это исправит? Кроме того, конечно, что ваши Грани счастливо распахнут ей объятия. Ты же не всерьёз думаешь, что там она менее опасна, чем здесь?

— Я вообще не считаю её опасной! Она моя дочь!

— И она же дочь Смерти...

Мне нечего было возразить. Ей тоже больше нечего было сказать. Пауза чрезмерно затягивалась, побивая рекорды любого провинциального театра. Наверное, мне бы стоило встать и уйти. Разумеется, предварительно одевшись.

Дампир отодвинулась в сторону, ей тоже хотелось сказать что-то ещё, но она не знала — как и какими словами.

— Ты ненавидишь меня.

— Нет.

— Ты должен.

— Почему? Ты же не сделала мне ничего плохого, ты защищала мою дочь.

— Я... предала тебя, Ставр, — опустив глаза, призналась Дана, по её длинным ресницам катились слёзы. — Меня заставили выбирать между тобой и кланом Красной Луны.

— То есть у тебя не было выбора?

— Не было.

— Зачем же ты позвала меня сейчас?

— Я скучаю по твоим поцелуям...

Мы расстались спустя ещё полчаса, может, больше. Не знаю, не акцентировал на этом внимания. Вышел, хлопнув дверцей, и, не оборачиваясь, пошёл домой. Если Дана и смотрела мне вслед, то благодаря тонированным стёклам я не увидел её глаз.

Возможно, это к лучшему, не знаю. Что-то сломалось во мне.

Я не понимаю, кому теперь могу верить. Капитану? Увольте. Белому Комитету? Три ха-ха! Клану Красной Луны во главе с моей женщиной, на раз ставящей обществен-

ные интересы выше личных? О, это, несомненно, так благородно и поэтому заслуживает всяческого уважения, аж тошнит...

Да неужели из всех, кто до сих пор не предал, не подставил и не изменил в угоду собственным интересам, оставались лишь Эд, Седрик, Центурион, Ребекка? Ну, быть может, ещё, как ни странно, белый цверг Десигуаль и... всё!

Доверия к маме Хельги у меня не было ни на грош.

Смерть всегда ведёт свою игру. Игру честную! Но именно поэтому надеяться на её снисходительность в случае проигрыша, мягко говоря, чрезмерно наивно. Хель — древняя богиня, её боялся и уважал сам Один!

Играть со смертью можно, иногда она это даже любит, но выиграть у неё нельзя. Рано или поздно, что бы ни было, ты преклонишь перед ней колени. Что бы ты о себе ни думал, каким бы великим себя ни считал, она всё равно возьмёт своё.

У самого подъезда на мой телефон пришла эсэмэска:

«Мне очень жаль. Прости».

Что я мог ответить? Прощаю? Живи спокойно в своём уютном клане, претензий нет, я знаю, что меня и мою малышку проще убить, чем адаптировать в этом мире? Так, что ли? Это будет вполне себе сентиментально и даже интеллигентно, но нет...

Мы, граничары, устроены иначе, не дождётесь. Прощения просить не стану. Извиняться не буду. На компромисс не пойду, освещать ваши серые будни своим пылающим сердцем не собираюсь. Недовольные — в пень! Всё.

Хотя, конечно, было ещё одно неотложное дело.

— Какого северного мха ему спать, всего три часа ночи? — спросил я сам себя, набирая на сотовом номер Капитана.

К моему немалому удивлению, он взял трубку уже на втором гудке.

— Здрав будь, боярин Ставр Гоудинович!